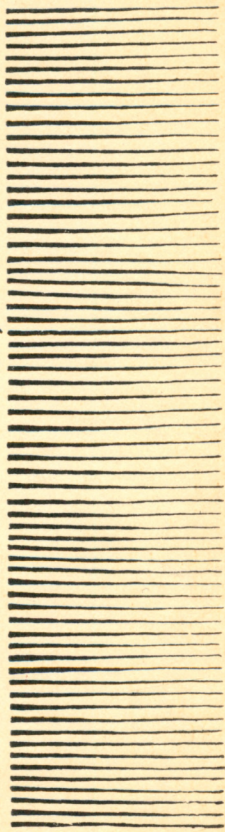

ЛЕВ ДРУСКИН

Смешанное издание

1970

Л Е В
Д Р У С К И Ш

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕНИЗДАТ • 1970

Любителям поэзии известны сборники Льва Друскина: «Ледоход» (Лениздат, 1961), «Стихи» («Молодая гвардия», 1964), «Стихи» («Советская Россия», 1967).

Этот сборник — четвертая книга поэта, составленная в основном из новых стихотворений.

Где шорох
 сбитых пулями
 ветвей,
Где смерть над каждым
 на дыбы вставала,
Кукушка нам,
 по доброте своей,
Еще по двадцать лет накуковала.
Они прошли,
 и вот мы снова тут,
Совсем седые —
 видно и кукушке.
Но мы смеемся:
 «Серенькая,
 слушай,
Добавь по двадцать —
 не сочти за труд».

БАЛЛАДА

Был соперник счастливый
У меня до войны.

На него ты глядела
Глазами жены.

Ты ладонь его грела
В мороз у щеки,
И сжимался я весь
От обидной тоски.

Он убит.

Он зарыт.

Он пропал на войне.

Никогда не войдет он

К тебе и ко мне.

И не он

твои волосы ворошит,

И сидит у стола,

И газетой шуршит,

И обнять тебя может

И ночью,

и днем...

Он убит.

Он зарыт.

Я жалею о нем.

Никогда не войдет он

К тебе и ко мне...

Почему же я слышу
Шаги в тишине?
В окна — горькая мгла,
В двери — ветра порыв,
И ушанка легла,
Мою шапку прикрыв.
Он сидит у стены,
У стола моего,
И глазами жены
Ты глядишь на него.

Там ива,
 опираясь на костыль,
Стояла хмуро —
 горькая калека.

Теперь уж я
 немного поостыл,
А раньше все в ней видел человека.
И так жалел!

 Забрать бы груз обид,
Шагнуть с тропинки, взять ее за локоть
И привести под крышу,
 и не трогать:

Пусть отойдет —
 сама заговорит.

Пылают в печке
 жаркие дрова,
И грусть не к месту,
 и тоска некстати..

Ну что опять ты выдумал,
 мечтатель?

Стыдись,
 чуждак,
 седая голова!

И я,
 уже мешая явь со сном,

Твержу себе

(а боль не утихает):

«О чем ты?

Это ж дерево вздыхает,

Не человек горюет за окном».

Записная книжка,
Адреса друзей,
Имена,

как вспышки
Радости моей.
В сутолоке суток,
В грохоте разлук
Как бы промежуток
Возникает вдруг.
Словно электричка,
Отправляясь в путь,
Каждая страничка
Просит:

«Не забудь!»

И не надо —

слышишь? —

Губы в кровь кусать.
Что уж тут попишешь —
Нечего писать.
Всяких дел по вóрот,
Бед невпроворот,
И не тот уж город,
Да и сам не тот.
А с собой не сладишь,
А прошьет игла —

Седину пригладишь,
Сядешь у стола.
Локтем отодвинешь
Годы и семью,
И тихонько вынешь
Молодость свою.
Записная книжка,
Адреса друзей,
Имена,
 как вспышки
Радости моей.

БАЛЛАДА О ПОЛОТЕРАХ

Полы трет полотер.
Его летит рука.
Он как тореадор,
Пронзающий быка.
Он мчит. Он там. Он тут.
Устал. Как поднял воз.
Он начертал этюд
Из жестов и из поз.

Евг. Винокуров

Не дыханье коридора,
Не скрипенье двери...
Там дышали полотеры —
Сильные, как звери.
Вот он —
 бывший старшина,
Трет до блеска, милый.
Ах война,
 война,
 война,
Что ты натворила!
Медицинский мудрый нож,
Бинт
 свернулся
 ржавый.
Самокрутку завернешь
Левой или правой?

Самокрутка,
Самосад,
Серый дождь из тучки...
Я приду на комбинат
В светлый день полочки.
Как их очередь длинна —
Белый свет закрыла.
Ах война,
 война,
 война,
Что ты натворила?
Папиросный дым густой.
Шутят,
 смотрят браво.
И у всех
 рукав пустой
Слева или справа.

Испортился
барометр старинный.
Всегда одно
твердит, ополоумев.
Уперся стрелкой в бурю,
да и только.
Так и стоит,
проклятый,
на своем.
Пришел к нам мастер
с лупой и отверткой.
Мудрил,
бубнил,
присвистывал,
старался.
Потом назад
все винтики поставил,
И стрелка снова
в бурю уперлась.
Тут мастер снял очки
и рассердился,
Не стал пить чай,
от денег отказался
И так сказал:
«Да выкиньте его!»

Когда душа
 в тревоге чудной
Дрожит,
 как палец на струне,
Я уйду
 на мол безлюдный
Навстречу ветру и волне.
И надо мной,
 над краем суши,
В смешенье вод и облаков
Парят
 стремительные души
Давно погибших моряков.
И слово лишнее,
 отчаясь,
Как рыбка,
 бьется на песке,
Но я его не замечаю
В своей предпесенной тоске.
Парю
 в безмолвии великом,
Весь — ожиданье,
 не дыша.
И чайки спрашивают криком:
«Ты чья душа?
 Ты чья душа?»

Я не проснусь...

Я только на минуту...

Уже уходит в прошлое вокзал.

О господи,

пусть это будет Киев!

Никогда
не предам
человечества,
И тебя
никогда не предам!

О, как он впитывает боль,

И тяжесть лет,

и горе...

Мы снова школьники

с тобой:

Чему нас учит море?

Сколько было
 крыш чужих
И обшарпанных вокзалов,
И испарканных дорог.

Сколько места на земле
Для бездомья,
 для бездымья,
Для бездумья, наконец.

Видно, мать моя в окно,
Заслонив свечу,
 смотрела
На цыганские костры.

Видно, слушал мой отец
Те гитары,
 и качался,
И сходил от них с ума.

Потому-то
 до сих пор
Города —
 мои кочевья,
А деревья —
 табор мой.

Здесь всё по-морскому,
здесь всё по-иному:
Любая примета
и каждый предмет.
Не море ли
вынесло к нашему дому
Забор,
как обглоданный рыбий хребет?
И кажется,
солью хрустят половицы
И окна
наполнены ветром всегда.
И я не спрошу тебя,
что тебе снится, —
Большая судьба
и большая вода.

ДВЕ СКАЛЫ

Над каменной державой
Король и королева.

Она глядит
направо,

А он глядит
налево.

Нелепые фигуры
На темени горы.
Никто их с верхотуры

Не снимет для игры.
Не вздрогнут,
не проснутся

И в грудь стучать не станут,
Друг друга
не коснутся,

Через плечо
не глянут.

Стоят веками рядом
(Повесишься с тоски!)—

Ни пешек,
ни парада,

Ни чести, ни доски.
Освищенные небом,
Оглохшие в прибое,
Вот так и мы с тобою.

Прямо из поэмы,
Смяв прибрежный куст,
Рухнул старый демон —
Только крыльев хруст.
Он лежит,

не знача

Больше ничего.

Дергаются в плаче

Плечи у него.

О былых обидах

Шепчет губ кора.

Жизнь прошла,

как выдох,

Как ее чадра.

А она прекрасна,

Облачком парит.

А она

«согласна»

Всё не говорит.

С вас причитается
Море горстями,
С вас причитается
Ужин с гостями,
С вас вычитается
Горе и страх —
Это читается
В ваших стихах.

Все, что положено —
Люди и кони,
Будет положено
Мне на ладони.
Все, что отложено, —
Рядом,
 в пути.
Все, что заложено,
Надо спасти.

Флейта фантазии
Неутомима —
То ли из Азии,
То ли из Крыма.

Взять этой фразе ли
Или под нож?..
Рифмы проказили —
Что с них возьмешь!

В сердце корочкой стучащий,
Ты в каком огне окреп,
Хлеб сладчайший,
Хлеб горчащий
Черный хлеб

и белый хлеб?

Ни в одном твоём обличье
Я тебе

не изменю,

Хлеб ржаной

и хлеб пшеничный, —

На столе

и на корню.

Пересоленный

и пресный,

Ты вошел

в мою судьбу.

Так и въеду

в рай небесный

У горбушки на горбу.

Адам — из глины,
Ева — из ребра,
Вечерняя вода —
из серебра,
Из вздохов — небо.
Для всего на свете
Нашелся матерьял у старика.
А кто же я?
Свидетельство?
Свидетель?
Иль просто горсть
прибрежного песка?
.
Нагие камни
разумом одеты,
И над челом наморщенным планеты
Проходят мысли,
словно облака.

Ты говоришь :

я очень постарел.

То снова сердце,

то опять прострел.

Сердитый,

озабоченный,

неловкий.

Что мне от лет своих

не убежать,

Что остается

целый день брюзжать

И сморщиться,

как яблоку в духовке.

Я виноват, наверное...

прости...

Вчера опять сидели

до пяти.

Я сбился с темпа —

что же тут такого?

При чем здесь возраст?..

Ты сошла с ума.

При чем здесь возраст —

посуди сама!

Ну, милая...

Ну хочешь в Комарово?..

Я не устану —

ты доверься мне.

Мелькнет, как радость,

белка на сосне

И упадет к ногам

пустая шишка.

И будем мы

счастливые

идти,

И так легко

нагонит нас

в пути

Вчерашний гость,

подвыпивший мальчишка.

Ох этот год!
 Пускай бы смыло
Его из жизни —
 все равно.
Но в сад —
 загадочный и милый —
Резное *
 врезано окно.
Весны
 лепечущую книгу
Листают
 майские жуки.
И что там год!
 Мне и без мига,
Как этой книге
 без строки.

■
Тень моя на стенах твоих.
Анна Ахматова

Я еще не привык —
я смущен,
Будто впрямь
совершаю кощунство
Тем,
что в комнате этой живу,
Открываю окно
по-хозяйски
И несу
на веранду
цветы
В знаменитой
надтреснутой вазе.

Этот старенький стол под сосной —
Не моим бы
лежать там
тетрадам!
Не мои,
не мои,
не мои

Эти стены
и окна,
и двери.
Лучше б мне,
как два года назад,
Робким гостем
стоять на пороге,
Острым локтем
в портфеле зажав
Ненавистную,
милую папку.

Я сажусь
на чужую скамью,
Я к столу
наклоняюсь
чужому,
И все кажется мне,
что сейчас
Выйдет тень
величавой старухи
И, стихи мои перечеркнув,
Настоящие строчки
напишет.

Как будто бы черти в моторе!
Мы мчимся
 вдоль берега моря,
Все время
 вдоль берега моря,
Вдоль самого берега моря.

Где в тучах
 встречаются ели —
Сшибаются
 лбами
 метели.

Где с небом
 смыкаются льдины —
Стоят рыбаки,
 как пингвины.

Стоят рыбаки,
 как пингвины,
Не дрогнут
 их серые спины —

Не видят
их серые спины
Летающей
сквозь ветер
машины.

Нам скорость
пейзажи листает,
А руки
в сиденье
растают.
Недвижные от напряженья,
Они
принимают движенье.

Пространство
натянута плотно,
Но словно
дорожкой взлетной,
Мы мчимся
вдоль берега моря,
Все время
вдоль берега моря.

Ах синица,
 бедная синица!
Как ты споришь
 с вьюгой и зимой!
Если б шесть
 упрятать в рукавицу,
Было б вдоволь
 места для седьмой.
Под тобой
 голодной глыбой
 поле.
Где ж твой дом,
 хорошая моя?
Хоть бы море
 подожгла ты,
 что ли,
И погрелась
 у его огня.

Прямо в облаке
развели костер.
Я меж двух озер,
Как меж двух сестер.
Ходит правое,
Смотрит павою.
Смотрит левое
Королевою.
Ах любовь моя —
упование,
Справа влажное
воркование.
Ах любовь моя —
упоение,
Слева влажные
уверения.
Ах любовь моя! —
я и сам твержу.
Даже здесь ты с ней,
не покинь ее.
Я заслушался,
на спине лежу,
На груди моей —
небо синее.

Скрипит поселок дачный
Обшивкой корабельной.
На соснах,
 как на мачтах,
Огни святого Эльма.
И если хочешь к звездам,
Нам будет по пути.
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Мой скарб
 к земле привязан,
Мои в чернилах пальцы,
Но ты узнаешь сразу
Межзвездного скитальца.
Сотрем друг другу слезы,
Незримые почти...
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Ну ладно,
 ну не плачь ты, —
Ведь нам нельзя отдельно.

На соснах,
 как на мачтах,
Огни святого Эльма.
Зачем скитаться розно?
Обнимемся в пути!
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Я на спине лежал.

Качалось небо.

Качался зной.

Покачивалась крыша,

То плавно отходя,

то возвращаясь.

И тихо я

покачивался в люльке

Моей земли —

еще новорожденный,

Не зная ни блаженства,

ни стыда,

Не слыша

виноватого дыханья

Той,

что ничком лежала на траве,

Не глядя в небо.

Я понял
 нынче утром,
Что значит
 белый свет,
Когда я вышел утром
На этот белый снег.
От белого порога
Тропинка вдаль вела,
И белая дорога
Была белым-бела.
Тонули в белом дали,
И белые дома
Опять не понимали,
Что есть на свете тьма.

Еще ворóн
 простуженные глотки
Задорно провожают
 день короткий,
Еще сороки
 в милой простоте
Разносят людям
 сплетни на хвосте —
А дом открыт
 для встречных-поперечных,
И в нем уютно
 от сверчков запечных,
От запеканки
 в синем хрустале,
От рюмок,
 по-осеннему нарядных,
От предвкушенья
 снедей маринадных,
От пирога,
 что дышит на столе.
И ты,
 моя утеха и отрада,
Царица дома
 и царица сада,
Мое мученье,
 мед моей строки,

С тобой мне томно
и с тобой мне сладко.
И только небо темное
украдкой
Глядит
на наши белые виски.

Какие незнакомые предметы!

Ночная тьма

размыла их приметы,

Лишь дверца шкафа светится одна,

И тишина —

такая тишина,

Что кажется:

прижались к полу звуки,

Лицом уткнувшись в маленькие руки.

Твоей ладони

жаркая печать

Легла на губы

и велит молчать.

На кухне кран забыл, что можно капать,

Часы остановились,

как на грех...

Сейчас Щелкунчик

выглянет из шкафа

И громко-громко

разгрызет орех.

УТРО В ЗЕЛЕНОГОРСКЕ

В окно влетают с гулом поезда.

Ты спишь —

тебе уютно в этом гуле.

Твоя рука

на низкий подоконник

Легла, как пятистишье.

За окном

Высокие, ученые деревья.

Смешно!

Они по-фински и по-русски

Умеют говорить.

А по-арабски?

Конечно, да.

Ведь там,

на чердаке,

Две ласточки пристроились.

Они

Сюда являются уже четвертый год,

И каждый раз —

представьте! —

из Египта.

Счастливые...

Но не счастливей нас.

Усталая моя,

ты — мой Египет,

И зной,
и страсть.

Поспи еще немного.

В окно влетают с гулом поезда,

И жаркая

на солнечном пятне

Твоя рука лежит,

как пятистишье.

Нет,
 никогда календарю
Я не скажу:
 «Благодарю!»
Часы запру,
 будильник спрячу,
Куплю билет втридорога,
Уеду
 к черту на рога
И брошусь в травы,
 и заплачу.
Спаси,
 лесная тишина!
Пусть заслонит меня сосна
Своею смуглою спиною.
И вдруг
 услышу я,
 привстав:
Неумолимо,
 как состав,
Грохочет время
 надо мною.

Беру я вещи
 в руки
 осторожно.
Звенит в ушах,
 и боязно вздохнуть.
Вот рядом стул —
 его подвинуть можно,
Но осторожно —
 только б не толкнуть.
Вот пепельница,
 вот твоя перчатка.
Бери смелей —
 не бойся чепухи!
Но лучше осторожно...
 Как взрывчатка,
Во всем,
 во всем
 заложены стихи.

Все мирозданье
 зажато в горсти.
Пальцы пульсируют,
 пряча в ладони
Круговращение звездных симфоний.
Хлещут хвостами кометы:
 «Пусти!»

Недоуменье,
 сомненье,
 познание —
Басом протяжным
 гудит мирозданье.

Не разобраться
 в звездной пыли:
Где мириадная точка земли?
Где на ней город
 и дом наш?
 И в доме

Ты,
 любопытства на миг не сдержав,
Смотришь,
 кулак мой упрямый разжав:
Что там лежит
 у меня на ладони?

Монета блещет по краям.

Ее в пыли

нашел Хайям.

И, обменяв красотку

На чашу смуглого вина,

Глотнул разок,

потом — до дна

И стих пропел

короткий.

И та монета

по векам

Пошла легко,

как по рукам,

И канула бесславно.

Но вспыхнула

кружком огня

Вдруг на ладони у меня —

Игрушкой забавной.

Ее я вскоре

потерял,

Но зря

себя я

укорял,

Напрасно ты ворчала:

Быть может,
на краю земли
Ее Хайям
нашел в пыли —
И все пошло с начала.

■

...И путешествия в Опочку...
А. С. Пушкин

Путешествие в Опочку.
Две деревни,
 три села.
Я упрятываю в строчку
Все,
 что муза наплела.
Путешествие в Опочку.
Очевидно, третий том.
Очутились,
 как нарочно,
Мы с тобою
 в веке том.
Что же,
 надо деловито
Осмотреться на пути.
Звонко шлепают копыта,
Слякоть,
 господи прости!
И очки
 с тяжелой дужкой
Я решительно надел:
В этом мире
 даже Пушкин
Кое-что не доглядел.

■
 В пути родился Шейдаи¹ —
 Ни крыши,
 ни стола.
 В пути писал
 стихи свои
 И мертвый сполз с седла.
 Баранья шапка
 сбилась вбок,
 Застыл песок
 в тоске,
 И тень верблюда
 возле ног
 Застыла на песке.
 Верблюжья жесткая спина —
 Мой стол в тени куста...
 Не та страна,
 не та струна,
 Не та судьба,
 не та.
 Но я твое перевожу,
 Как бы твержу свое,
 И на строке
 щекой лежу
 И слушаю ее.

¹ Шейдаи — туркменский поэт XVII века.

Гнилая хмарь.
Осенняя погода.
Везде капканы луж —
куда ни плюнь.
И через эту воду
ищет броду
Нахмуренный,
рассерженный июнь.
Земля и небо —
в плеске монотонном.
Лес мокнет,
все заранее простив.
Звучит стена унылым камертоном
Под бесконечный,
плохонький мотив.
Путь проточив,
он просочился снова
Сквозь промокашку тонкого стекла
Уже
его шуршащая основа
Становится основой стиха.
Но ты,
пока тоска не переспорит,
Закрой глаза,
размыкай этот гнет:

Переменная облачность

жизни моей!

Озаряется тень,

меркнет свет среди теней,

Свет лежит на столе

лебединым крылом,

Тень прозрачной стеною

стоит над столом.

А в ушах

вековое гудение пчел,

И с Землею вращается

письменный стол.

Я оправдал
 доверие стола,
Когда строка
 морщинкою легла
На белое бездумие бумаги,
На белое безмолвие ее.
Пришла ко мне
 и выбрала жилье,
Сама своей завидуя отваге.
Кругом нагие
 снежные поля,
Но ей не страшно
 и не зябко вроде,
Хоть равнодушно вертится Земля
И знать не знает
 о ее приходе.
Мои слова,
 хранилище тепла,
Еще вчера
 вас не было на свете.
Живите, дети,
Распрямливайтесь, дети, —
Я оправдал
 доверие стола.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Где шорох сбитых пулями ветвей...»	3
Баллада	4
«Там ива, опираясь на костыль...»	6
«Записная книжка, адреса друзей...»	8
Баллада о полотерах	10
«Испортился барометр старинный...»	12
«Когда душа в тревоге чудной...»	14
«Что в мире лучше города ночного?...»	15
«Никогда не предам человечества...»	17
«Седые камни-бобыли...»	19
«Сколько было крыш чужих...»	21
«Здесь всё по-морскому, здесь всё по-иному...»	22
Коктебель	23
Две скалы	24
«Прямо из поэмы...»	26
«С вас причитается море горстями...»	27
«В сердце корочкой стучащий...»	29
Дуб	30
«Адам — из глины, Ева — из ребра...»	31
«Ты говоришь: я очень постарел...»	32
«Ох этот год! Пускай бы смыло...»	34
«Я еще не привык — я смущен...»	35
«Как будто бы черти в моторе!..»	37
«Ах синица, бедная синица!..»	39
«Прямо в облаке развели костер...»	40
«Скрипит поселок дачный...»	41
«Я на спине лежал...»	43
«Лес на марше, деревья на марше...»	44
«Я понял нынче утром...»	45

Китеж	46
«Еще ворон простуженные глотки...»	47
«Какие незнакомые предметы!..»	49
Утро в Зеленогорске	50
«Я новый день — мешком на плечи...»	52
«Нет, никогда календарю...»	53
Овод	54
«Беру я вещи в руки осторожно...»	56
«Когда я брел в ночи обманной...»	57
«Все мирозданье зажато в горсти...»	58
«Монета блещет по краям...»	59
«Путешествие в Опочку...»	61
«Куропатки летят, куропатки...»	62
«В пути родился Шейдаи...»	63
«А парень говорил, колено обхватив...»	64
«Гнилая хмарь. Осенняя погода...»	65
Терцины	67
«Переменная облачность жизни моей!..»	68
«Я оправдал доверие стола...»	69
«Не падай, Пизанская башня, не падай...»	70

Лев Савельевич Друскин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор М. И. Белоусова

Художник Н. А. Нефедов

Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор А. А. Яковлева

Корректор Э. Г. Поварская

Сдано в набор 7/VIII-1970 г. Подписано к печати 8/X-1970 г. Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 2,63. Уч.-изд. л. 1,98
Тираж 10 000 экз. М-51062. Заказ № 1227/л. Цена 20 коп.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57

20 кол.